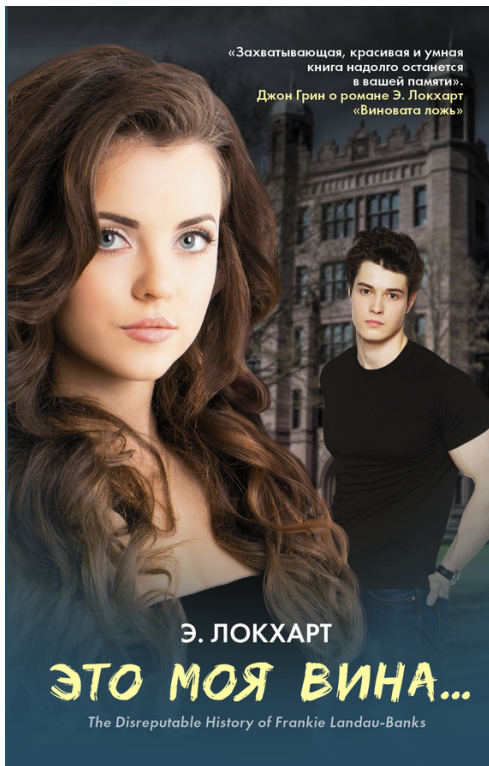

Эмили Локхарт
Это моя вина
Серия «Виноваты звезды»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14128105
Это моя вина: [роман] / Э. Локхарт; пер. с англ. А. Скибиной.: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-092864-4

Аннотация

Фрэнки невероятно повезло. За лето из невзрачного «книжного червя» она превратилась в прелестное создание и начала встречаться с красавцем-старшеклассником Мэттью.

Мэттью, как когда-то и отец Фрэнки, состоит в тайном школьном обществе. Но девушкам путь туда заказан.

Впрочем, мы же знаем, что для женщины (в нашем случае – очаровательной девушки) ничего невозможного нет! Однако, устремляясь к своей цели, не всегда знаешь цену, которую придется платить.

Содержание

Улика	5
Лебедь	6
Случайная встреча, которая принесет плоды	8
Старик	12
Алабастер	14
Федерация гиков	16
Мэттью	19
Альфа	22
Прелести	26
Паноптикум	28
Приглашение	30
В лесах	34
Поле для гольфа	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Эмили Локхарт

Это моя вина...

*Посвящается моим университетским друзьям Кейт, Полли,
Клиффу, Аарону и Кэтрин, которые знают все о вечеринках на поле для
гольфа и ночных приключениях*

E. Lockhart

The Disreputable History of Frankie Landau-Banks

Печатается с разрешения литературных агентств The Elizabeth Kaplan Literary Agency
and The Van Lear Agency LLC

Copyright © 2008 by E. Lockhart ©

Улика

*14 декабря 2007 года
Кому: Директору Ричмонду
и совету директоров
подготовительной академии
Алабастер.*

Я, Фрэнки Ландау-Бэнкс, настоящим признаю, что была единственной зачинницей так называемых проделок «Верного ордена бассет-хаундов». Я беру на себя полную ответственность за все совершенное «Орденом», включая «Дамскую гордость», «Песиков в окне», «Ночь тысячи псов», «Свекольное восстание» и похищение Гуппи.

Это означает, что я написала все инструкции и руководила действиями всех участников.

Я и только я.

Не имеет значения, что в своем заявлении сообщил Портер Уэли.

Разумеется, все Псы «Ордена» – люди, обладающие свободной волей. Все, совершенное ими, не является следствием прямого принуждения. Я не угрожала им и не вынуждала их подчиняться, так что их решение следовать моим указаниям не основано на страхе мести.

Вы просили меня сообщить имена. При всем уважении я отказываюсь это сделать. Я не могу подвергать этих людей бесчестью.

Я бы хотела отметить, что многие проделки «Ордена» являлись социальным протестом. И, возможно, своими действиями я отвлекла многих членов «Ордена» от более рискованных поступков. Так что, может быть, это послужило всеобщему благу, несмотря на неудобства, которые вам, вне всякого сомнения, пришлось испытать.

Я понимаю, что администрация недовольна случившимся, и знаю, что мое поведение нарушило привычный уклад вашего уважаемого учреждения. Тем не менее осмелюсь предложить вам рассмотреть действия «Ордена» как творческий гражданский протест учеников, обладающих политическим сознанием и желанием выразить себя с помощью искусства.

Я не прошу вас проявить снисходительность к моему поведению. Я лишь прошу принять во внимание контекст.

*Искренне ваша,
Фрэнсис Роуз Ландау-Бэнкс,
курс 2010 года*

Лебедь

Возможно, в сравнении с тем, что Фрэнки Ландау-Бэнкс натворила на второй год учебы в школе Алабастер, сей факт может показаться неважным, но она невероятно изменилась за лето. Настолько, что это обеспокоило Рут, ее консервативно настроенную мать, и вдохновило соседских мальчишек из их пригорода в Нью-Джерси на мысли (и даже поступки), о которых они раньше и подумать не могли.

Сама Фрэнки тоже чувствовала себя не в своей тарелке.

За три месяца она выросла на десять сантиметров, набрала – как раз там, где надо, – девять килограммов и превратилась из тощего застенчивого ребенка со слишком крупными ладонями, непослушными кудряшками и таким острым подбородком, что бабушка Эвелин всегда кудахтала: «если дойдет до пластики, то лучше разобраться с этим до колледжа» – в фигуристую молодую женщину, которая казалась парням невероятно привлекательной. Ее угловатое лицо повзрослело, а девочка обзавелась аппетитными формами и трансформировалась из домашней тихони в горячую красотку, и все это посиживая в гамаке во дворе собственного дома, не отрываясь от рассказов Дороти Паркер и стакана лимонада.

Единственное, что сделала для этого сама Фрэнки, так это потратилась на несмыслимый кондиционер, чтобы укротить непослушные волосы. Она была не из тех девочек, что замораживаются над своим имиджем. Ей и без того было неплохо в школе Алабастер, несмотря на то, что там (как заметила ее старшая сестра Зеда) на десять васпов¹ приходился всего один не-васп, католики отсиживались по углам, а члены «племени», как правило, меняли свои фамилии с Бернштейн на Бернс.

Благодаря Зеде Фрэнки сумела укрепить свои позиции в школе. Когда она только пришла в Алабастер, ее сестра училась в выпускном классе. Зеда никогда не была суперпопулярной, но у нее была своя компания и репутация девушки, способной говорить все, что вздумается. В первом полугодии, чтобы показать всем, что с ее младшей сестрой лучше не связываться, Зеда позволяла Фрэнки тусоваться со своими друзьями-старшеклассниками. Фрэнки сидела с ними за обедом, и Зеда перезнакомила ее со своей компанией, с членами команды по лакроссу, с приятелями из команды гребцов, студенческого самоуправления и дискуссионного клуба. К последнему Фрэнки и присоединилась – и оказалась на удивление серьезным противником.

В свою очередь Фрэнки старалась, чтобы Зеде не приходилось краснеть, если этого можно было избежать. Она одевалась так, как советовала ей сестра, старалась хорошо учиться и подружилась с компанией первокурсников, которых не считали ни тупыми хохмачами, ни застенчивыми ботанами.

К концу лета, когда Зеда уехала в Беркли, Фрэнки стала стройной, фигуристой и выглядела настолько сногшибательно, что парни засматривались на нее на улице. Однако, если перед нами стоит задача воссоздать точную хронику преображения Фрэнки и ее так называемых проступков, надо заметить, что ее умственное развитие значительно отставало от физического созревания. Она даже наполовину не была тем преступным гением, который позже создаст «Общество освобождения рыб» и кто, повзрослев, возможно, возглавит ЦРУ, будет снимать боевики, конструировать ракетноносцы или (если пойдет по кривой дорожке) встанет во главе преступного синдиката. В самом начале второго года учебы Фрэнки Лан-

¹ *Basn* (W.A.S.P., White Anglo-Saxon Protestant) – белый англосаксонский протестант. Понятие, включающее в себя в широком смысле всех потомков англосаксонских протестантских колонистов, проживающих на территории США, в узком – самых богатых и привилегированных членов американского общества. Поэтому W. в слове W.A.S.P. часто трактуется не как *white* – белый, а как *wealthy* – богатый.

дау-Бэнкс было до этого еще далеко. Она обожала читать, у нее был только один бойфренд, любила участвовать в дебатах дискуссионного клуба и держала в клетке песчанок. Да, она была очень умной, но пока не демонстрировала никаких необычных амбиций или других странностей.

Она любила гуакамоле и белый цвет.

Она никогда не была влюблена.

Случайная встреча, которая принесет плоды

Через день после отъезда Зеда в Беркли Фрэнки с мамой отправились на четыре дня на побережье Джерси, где к ним присоединились двое разведенных дядюшек Фрэнки и трое ее кузенов. Семья сняла старый дом с пятью спальнями, расположенный на крошечном пятачке бетона в двух кварталах от пляжа и набережной.

Двоюродным братьям Фрэнки было от десяти до тринадцати. Ей они казались стайкой отвратительных существ, которые без конца молотят друг друга кулаками, кидаются едой, пукают и копаются в вещах Фрэнки, если та забудет запереть дверь спальни.

Каждый день компания брала шезлонги и одеяла, запасалась брецелями, пивом (для дядюшек) и коробками с соком, прихватывала спортивное снаряжение и тащила это все на пляж, где проводила часов шесть, не меньше. Фрэнки не могла почитать книжку без того, чтобы ей на колено не посадили краба, не вылили на живот ведро соленой воды или не расплескали на полотенце коробку виноградного сока. Она не могла пойти поплавать без того, чтобы кто-нибудь из кузенов не попытался схватить ее за ноги или обрызгать. Ей не удавалось поесть без того чтобы кто-то не попытался стащить кусок с ее тарелки или засыпать еду песком.

В последний день Фрэнки лежала на пляжном полотенце, слушая, как ее лысеющие, с пухлыми и мягкими брюшками дядюшки обсуждают игру «Шакалов» в младшей лиге. Мать Фрэнки дремала в шезлонге. Кузены, по крайней мере в данный момент, пребывали в воде, соревнуясь, кто дольше задержит дыхание, и время от времени пытались друг друга утопить.

– Можно мне сходить в город? – спросила Фрэнки.

Рут приподняла солнечные очки и, прищурившись, посмотрела на дочь:

– С чего вдруг?

– Хочу погулять. Съесть мороженое. Может быть, купить открытки, – ответила Фрэнки. Она хотела оказаться подальше от этого семейного собрания, от разговоров о спорте, газов и драк.

Рут повернулась к брату.

– Бен, разве до центра города не пятнадцать кварталов? Тебе не кажется, что это далеко?

– Так и есть, пятнадцать кварталов, – отозвался дядюшка Бен. – Ей нельзя идти одной.

– Я с ней не пойду. – Рут снова надела очки. – Я приехала сюда отдыхать на пляже, а не разыскивать открытки в магазинах для туристов.

– Я могу пойти одна, – парировала Фрэнки. В любом случае брать с собой Рут она не собиралась. – Пятнадцать кварталов – разве это так далеко?

– Тут встречаются всякие темные личности, – предупредил ее дядюшка Бен, – Атлан-тик-Сити² всего в нескольких милях к северу.

– Заинька, ты же заблудишься, – заволновалась Рут.

– Мы живем в доме 42 по Си-Лайн-авеню, – отозвалась Фрэнки. – Я поверну налево на Оушен-вью, пойду прямо, и там будут магазины. Мы же ходили в супермаркет с дядей Полом, помнишь?

Рут поджала губы:

– Не думаю, что это хорошая идея.

– Ну что со мной может случиться? Я не собираюсь садиться в машину к незнакомцам. У меня есть мобильник.

– Но мы в незнакомом городе, – возразила Рут. – Я не собираюсь с тобой спорить.

² *Атлантик-Сити* – город на северо-востоке США, известный своими казино, один из центров азартных игр.

- Но что может случиться?
- Я не хочу это обсуждать.
- А как ты думаешь, я перехожу через дорогу, когда иду в школу?
- Заинька.
- А ведь я перехожу через дорогу, мама. Невероятные новости!
- В разговор вступил дядя Пол.
- Отпусти ее, Рут. Я в прошлом году отпускал Поли-младшего. Ему было всего двенадцать, и ничего не случилось.
- Видишь? – Фрэнки повернулась к матери.
- Пол, не лезь, – огрызнулась Рут. – Не усложняй мне жизнь.
- То есть Поли-младшему можно ходить в город, а мне нет? Поли-младший все еще ковыряется в носу. Что за двойные стандарты?
- Это не двойные стандарты, – ответила Рут. – Как Пол воспитывает Поли-младшего – это его дело, а как я воспитываю тебя – мое.
- Ты относишься ко мне как к маленькой.
- Нет, Заинька. Я отношусь к тебе как к очень привлекательной и очень юной девушке-подростку.
- Без мозгов.
- Мне просто кажется, что ты не всегда задумываешься о последствиях.
- С каких это пор я не думаю о последствиях?
- С тех пор, как собралась пойти в центр за пятнадцать кварталов отсюда, не зная города, одетая в бикини со стрингами. – Теперь Рут сердилась. – Зря я разрешила тебе пойти по магазинам с Зедой. Нет, правда, Фрэнки, ты ведь почти голая. Представляешь, что будет, если ты заблудишься в городе?
- Я позвоню тебе.
- Я не это имела в виду.
- Значит, будь я уродиной, ты бы меня отпустила? – уточнила Фрэнки.
- Не начинай.
- А если я зайду в дом и надену платье?
- Фрэнки.
- Будь я мальчиком, ты бы меня отпустила?
- Ты хочешь испортить скандалом последний день отпуска? – огрызнулась Рут. – Ты этого хочешь?
- Нет.
- Тогда перестань пререкаться. Успокойся и отдыхай дальше.
- Ладно. Пройдусь по пляжу. – Фрэнки встала, надела шлепанцы, схватила сумку с кошельком и пошла по песку.
- Вернись через час! – крикнула ей вслед Рут. – Позвони мне на сотовый, если задержишься.
- Фрэнки не ответила.
- Ей не нужны были открытки – ей даже и в город не очень хотелось. И дело не в том, что Рут ставила ей слишком много ограничений, или в том, что Поли-младшего в прошлом году отпустили гулять одного. Проблема была в том, что для них – дяди Бена и матери и, возможно, даже для дяди Пола – Фрэнки оставалась Заинькой.
- Не кем-то с мозгами, кто способен ориентироваться в пространстве и умеет пользоваться мобильником. Не личностью, которая может разобраться с проблемой. Даже не тем человеком, который может пройти пятнадцать кварталов и не попасть под машину. Нет, для них она оставалась Заинькой.
- Невинной.

Нуждающейся в защите.
Незначительной.

* * *

Через полчаса и двести метров Фрэнки поняла, что замерзла в этом бикини. Она успела съесть лишь половину шоколадного мороженого до того, как небо затянули облака. Теперь ей было слишком холодно, чтобы его доедать, но рожок обошелся почти в пять долларов, и она не могла заставить себя его выкинуть. Ладони у нее застыли, и она жалела, что не взяла с собой свитер.

– Будешь доедать?

Фрэнки обернулась. На краю мостков, свесив ноги, сидел крепко сбитый парень лет семнадцати с волосами песочного цвета и веснушчатым носом. Щуря от ветра глаза, он дружелюбно смотрел на нее.

– Слишком холодно.

– Тогда отдай мне.

Фрэнки уставилась на него:

– Разве мама не говорила тебе, что попрошайничать нехорошо?

Он рассмеялся:

– Она пыталась. Но я, кажется, безнадежен.

– Ты действительно хочешь мороженое, которое кто-то уже облизал? Фу, гадость.

– Да. – Парень потянулся за рожком. – Но это не страшно.

Фрэнки отдала ему мороженое. Незнакомец высунул язык, коснулся им мороженого, а потом пропихнул сладкое месиво поглубже в рожок и обхватил его целиком губами.

– Видишь? Теперь на нем только мои слюни. И я получил мороженое бесплатно.

– Угу.

– Ты не поверишь, что люди готовы сделать, если их попросить.

– Я все равно не собиралась его доедать.

– Знаю, – он ухмыльнулся, – но ты могла отдать мне его, даже если бы собиралась доесть. Просто потому что я попросил. Тебе так не кажется?

– Какой самоуверенный! Смотри, не доиграйся.

– Терпеть не могу, когда выкидывают еду. Я постоянно есть хочу.

Парень поднял брови, и Фрэнки вдруг поняла, что ее мама была права насчет бикини. Оно не могло сойти за одежду. И вот она стоит в одном белье и разговаривает с мальчиком.

Строго говоря, даже меньше, чем в обычном белье.

С симпатичным мальчиком.

– В каком ты классе? – спросила она. Просто чтобы поговорить о чем-то обыденном.

– Перешел в двенадцатый. А ты?

– В десятом.

– Да ты еще младенец!

– Ой, не надо.

– Ладно, – пожал он плечами. – Я думал, ты старше.

– Как видишь, нет.

– А где ты учишься?

– Моя школа на севере Массачусетса, – ответила Фрэнки. Ученики Алабастер всегда так отвечают, чтобы не хвастаться тем, что учатся в самой дорогой школе с самыми строгими требованиями. Точно так же как студенты Йеля говорят, что учатся в колледже в Нью-Хейвене.

– А где конкретно? – уточнил он.

- А ты что, знаешь север Массачусетса?
- Немного. Я учусь в Лендмарк, в Нью-Йорке.
- О.
- Теперь ты передо мной в долгу. Где ты учишься?
- Школа называется Алабастер.
- Вау! – Парень широко улыбнулся.
- В чем дело?
- Да ладно. Все слышали про Алабастер. Эксетер, Эндовер, Алабастер – тройка лучших школ.
- Вроде того. – Фрэнки покраснела.
- Я приехал сюда только на вечер. Из города, – сказал парень.
- Один?
- Он пожал плечами.
- Да, поругался с родильным отделением.
- С чем?
- С матерью. Родители, родильное отделение, все такое.
- Ты поругался с матерью и приехал сюда отбирать мороженое у девушек?
- Вроде того.
- В сумке Фрэнки завибрировал телефон.
- Кстати о матерях, – девушка открыла телефон. – Моя уже в ярости.
- Где ты? – требовательно спросила Рут. – Я иду по набережной, и тебя нигде нет.
- Я у киоска с мороженым. А что?
- Поли-младший наступил на медузу. Мы собираемся уходить. У какого киоска? Тут их как минимум пять.
- Погоди. – Фрэнки не хотела, чтобы ее мать видела этого парня. Этого странного интересного парня, с которым ей, наверное, не следовало говорить. С другой стороны, ей не хотелось, чтобы и он видел Рут. – Она дергает за поводок, – пояснила она и протянула руку: – Мне надо бежать.
- Его рукопожатие оказалось сильным, а рука – теплой.
- Удачи в школе, – кивнул незнакомец. – Может быть, увидимся.
- Фрэнки? Фрэнки! С кем ты разговариваешь? – рявкнула Рут в телефоне.
- Не увидимся, – рассмеялась Фрэнки, разворачиваясь, чтобы уйти. – Ты же живешь в Нью-Йорке.
- Может быть, а может быть и нет, – бросил он ей вслед. – Ты сказала, Алабастер, так?
- Так.
- Тогда ладно.
- Мне пора. – Фрэнки снова поднесла телефон к уху. – Мама, я уже иду обратно. Буду через пять минут. Успокойся, пожалуйста.
- Пока! – крикнул ей парень.
- Надеюсь, мороженое тебе понравилось! – откликнулась Фрэнки.
- Я больше люблю ванильное! – заорал он в ответ.
- Когда она снова к нему повернулась, он уже исчез.

Старик

Отец Фрэнки, Франклин, мечтал о сыне, чтобы назвать его в свою честь. Тем не менее он понимал, что, поскольку Рут исполнилось уже сорок два, когда родилась Фрэнки, сына ему не дождаться. Тогда он решил, что назовет дочь самым похожим именем, какое сможет придумать. В итоге они назвали ее Фрэнсис, а потом имя сократили до Фрэнки.

Фрэнк-старший стал Фрэнком-старшим, что его вполне устраивало.

Когда Фрэнки было пять, родители развелись. Рут считала, что Фрэнк-старший недостаточно высоко оценивает ее умственные способности и личные достижения. Фрэнк-старшего (васпа-атеиста) раздражало, что Рут, иудейка, неукоснительно соблюдает все предписания и традиции своей религии. Кроме того, он считал, что необходимость поддерживать отношения с двумя маленькими девочками и эксцентричной женой мешала ему достичь совершенства в гольфе и медицинской карьере (не настолько блестящей, как ему бы хотелось). После развода Рут забрала детей и переехала к семье в Нью-Джерси, а Фрэнк-старший остался в Бостоне, ежемесячно навещая дочерей и оплачивая счета из частной школы.

Старший Бэнкс специализировался на болезнях легких. Но на самом деле его куда больше занимало общение с товарищами по Лиге плюща, чем недуги пациентов. Он учился в Алабастер (в то время, когда школа была еще полностью мужской), а потом в Гарварде – так же, как и его отец в свое время закончил Алабастер и Гарвард.

«Стариком» обычно называют бывшего однокашника, но, по мнению, сложившемуся у Фрэнки задолго до того, как она так резко поумнела, ее отец так и не стал *бывшим*. Годы, проведенные в школе, все еще играли слишком большую роль в его жизни, в том, как он сам себя воспринимал. Те, с кем он учился, оставались его ближайшими друзьями. Он играл с ними в гольф, приглашал выпить, отдыхал в их загородных домах. Он рекомендовал их на должности, а они отправляли к нему пациентов и приглашали в попечительские советы. Эти люди сводили его с другими людьми.

Через десять лет после развода его медицинская практика стала приносить намного больше дохода.

По дороге в Алабастер Фрэнки с матерью заехали в Бостон за Фрэнком-старшим. Он не принимал особого участия в жизни дочери, но отказаться от возможности прогуляться по кампусу и вспомнить славные деньки не мог. Всю дорогу до школы они с Рут сохраняли напряженное и неискреннее перемирие.

Сидя за рулем, Фрэнк-старший рассказывал о том, как катался на коньках на пруду и ходил на футбольные матчи.

– Это лучшие годы твоей жизни, – вещал он. – Сейчас ты заводишь друзей, которые останутся с тобой до конца жизни. Эти люди устроят тебя на работу, а ты устроишь на работу их. Эти связи дадут тебе возможности, Заинька. Возможности.

Рут вздохнула:

– Нет, правда, Фрэнк. Мир стал намного демократичнее.

– Если мир меняется, – фыркнул он, – то почему же я плачу за Алабастер?

– Чтобы дать ей образование?

– Я плачу не за образование. Его можно получить куда дешевле, чем за десять тысяч в год. Я плачу за связи.

Мать Фрэнки пожала плечами.

– Я просто хотела сказать, чтобы ты на нее не давил. Пусть Зайка сама разберется.

– Эй, мам, – раздался голос Фрэнки с заднего сиденья. – Я тоже умею говорить.

Фрэнк-старший сделал глоток кофе из термоса:

– Я пытаюсь быть реалистом, Рут. Так устроен мир. Ты находишь себе компанию, ты входишь в нее, и это сильно упрощает жизнь. Теперь для тебя не проблема найти правильных людей для решения любой задачи.

– Это nepoтизм³.

– Это не nepoтизм, а мироустройство. Люди берут на работу тех, кого знают, на учебу берут тех, кого знают – это естественно. Фрэнки сейчас завязывает прочные знакомства. И другие завязывают знакомства с ней.

– Пап, я учусь там уже год. Ты говоришь так, будто я в первый раз туда еду.

– На второй год для меня все по-настоящему и началось.

Фрэнки подумала: бедный Старший. У него нет своей жизни, только воспоминания. Как это жалко выглядит!

А потом она подумала: у меня в Алабастер нет друзей, которые нравились бы мне хотя бы вполнину так, как Старшему нравятся его школьные друзья. Может быть, жалко выгляжу именно я?

А потом подумала: вся эта его суета с компаниями и клубами – глупость.

А потом подумала – собственно, большую часть дороги до Алабастер она думала именно об этом – может быть, в этом году Мэттью Ливингстон меня заметит?

³ *Непотизм* (от лат. nepos – внук, потомок) – вид фаворитизма, предоставляемый родственникам или друзьям, вне зависимости от их профессиональных качеств (например, при найме на работу). Русский аналог – кумовство.

Алабастер

Информация о географическом расположении и структуре школы Алабастер, учебной программе и спортивных мероприятиях приводится здесь только для того, чтобы вы имели о них представление. Вряд ли для понимания деятельности «Верного ордена бассет-хаундов», «Общества освобождения рыб» или любой другой из вымышленных организаций, совершивших в Алабастер так называемые «преступления», требуется знать, что Фрэнки Ландау-Бэнкс занималась современными танцами и играла в алтимат-фрисби⁴, хотя так оно и было. Неважно, что она поначалу взяла латынь в качестве предмета по выбору – потому что так решил ее отец. И совершенно не имеет значения, как она украсила свою комнату в общежитии.

С другой стороны, важно понимать следующее: Фрэнки Ландау-Бэнкс была и по большому счету по сей день остается обычной девушкой. Она любила красивую одежду и радовалась тому, что за лето так вытянулась и должна была совершить перед школой поход по магазинам. Она покупала журнал «Интач» и помнила дурацкие подробности о жизни знаменитостей. Она глупо хихикала, когда ей что-то нравилось или она смущалась. Она жутко стеснялась общаться с популярными старшеклассниками и никак не могла понять: красивая она или совсем страшная, потому что в течение часа могла чувствовать себя и так, и этак. В начале второго года учебы она скучала по сестре, переживала из-за геометрии и старалась избегать Портера Уэлша (парня из «Клуба шпионов» и команды по лакроссу, с которым она встречалась с октября по май прошлого года). Вместо этого она вздыхала по парням из старших классов, не подозревающим о ее существовании.

А именно, по Мэттью Ливингстону.

* * *

Другие подробности о школе Алабастер, которые важны для нашей хроники:

1. Соседка Фрэнки по комнате, Триш, была яркой веснушчатой блондинкой. Первую половину лета она провела в туристическом лагере, а вторую – на Нантакете, помогая на конюшне. Она была из тех, кто дружелюбен со всеми, хотя близко ни с кем, кроме своего парня Арти, не сходилась. Триш интересовалась психологией, любила печь и состояла в дискуссионном клубе. Играла в лакросс и хоккей на траве. Кажется, ей было суждено обзавестись домом в Кеннебанк-порте. Зубов – ровных и белых – ей от природы досталось больше, чем помещалось во рту.

2. Арти, парень Триш, состоял в Клубе аудиовизуальных технологий (КАТ), а значит, имел ключи от большей части зданий кампуса.

3. Все здания школы были оснащены беспроводными сетями. Каждому ученику выдавали ноутбук (это входило в стоимость обучения) и предоставляли почтовый адрес на сервере школы.

4. Кампус школы Алабастер, как всех остальных школ, поставляющих студентов в университеты Лиги плюща, состоял из огромного множества зданий, большая часть которых не представляет никакого интереса. Тем не менее стоит обратить внимание на следующие постройки:

- 1) старый театр, который был никому особо не нужен, потому что его затмил
- 2) недавно построенный комплекс для занятий творчеством;

⁴ Алтимат-фрисби – командный неконтактный вид спорта с использованием летающего диска.

- 3) дом-музей основателя школы;
- 4) капелла с большими витражными окнами с изображениями распятия Христа, нескольких сюжетов с участием Девы Марии и святых. В начале каждой недели там проводилась торжественная линейка (посещение обязательно);
- 5) старый спортзал (пустой и закрытый на замок в ожидании ремонта);
- 6) новый спортзал с ультрасовременной стеной для скалолазания. А также:
- 7) библиотека Хейзелтон, архитектурная жемчужина всего кампуса, увенчанная большим сверкающим куполом.

5. На стенах главного здания, а также в других значимых сооружениях висели портреты прежних директоров, прославленных преподавателей, деятелей литературы и председателей попечительского совета, забавные в своей помпезности. Все мужчины.

6. И наконец: многие здания, построенные в конце девятнадцатого века, соединялись служебными тоннелями, которые были необходимы для обслуживания расположенной под землей системы отопления. Тоннели были закрыты, и входить в них было строго запрещено администрацией. Но мы бы не упоминали об этом, если бы не было способа туда проникнуть.

Федерация гиков

Вот история, которая много говорит о Фрэнки Ландау-Венке:

В ее первый год учебы в Алабастер, в октябре, шахматный клуб, «Клуб шпионов», клуб научной олимпиады, клуб садоводов, клуб ролевиков, а также клуб Кубка по географии и несколько других решили объединиться, поскольку народу в каждом из них было не так уж много.

Они называли себя Федерацией гиков, скинулись и собрались устроить вечеринку – чтобы привлечь новых членов (таков был тайный план) и, конечно, просто хорошо провести время. Ожидался диджей, начос с луковым соусом, теплая содовая и, возможно, стробоскоп.

С некоторой задержкой приглашение вступить в Федерацию гиков получил и дискуссионный клуб, в котором состояла Фрэнки, и, разумеется, его члены устроили дискуссию: хотят они вступать в новое объединение или нет. Они не считали себя гиками, и, в общем-то, даже за пределами клуба не все их к таковым причисляли. Их статус походил на статус членов студенческого самоуправления: если ты действительно крут, то не особо заморачиваешься, но если уж ты туда попал, это еще не значит, что у тебя проблемы с общением.

Обсуждая вечеринку, некоторые заявили, что да, дискуссии – это для гиков. Всем следует признать это. Назови это вместо «дискуссий» «расследованиями», и получится название для гиковского клуба. В любом случае единственный способ защититься от такого рода обвинений – поменять значение слова «гик». Придать ему оттенок шика, как в определенных кругах Силиконовой долины.

– Мы должны заменить образ унылого гика образом гика стильного, – предложил один из защитников. Другой сказал, что во всеуслышание называть себя не-гиком может только самый настоящий ботан, но потом уточнил, что называет ботанами только гиков в плохом смысле этого слова и надеется (но не смеет точно утверждать), что его товарищи по клубу правильно его поняли.

Противники возражали, говоря, что, подвергая опасности и без того сомнительную крутость дискуссионного клуба, они подвергают опасности социальный статус его членов. Объединение с клубом Кубка по географии, члены которого славились метеоризмом и склонностью ковырять в носу, убьет боевой дух клуба и лишит его самых популярных членов, которые не захотят состоять в Федерации. А если лидеры уйдут, говорили противники присоединения, то пострадает вся команда. Она начнет проигрывать состязания, в которых всегда побеждала, ее рейтинг упадет, и оставшиеся члены не смогут поступить в лучшие колледжи. Это будет начало конца.

Фрэнки, тогда еще новичок в команде, вступила в спор и завершила его.

– Мы забываем два главных пункта, – сказала она, подняв руку.

– Какие же? – поинтересовалась Зеда, которая, как председатель клуба, взяла на себя роль арбитра.

– Во-первых, – начала Фрэнки, – если мы хотим сохранить или укрепить социальный статус дискуссионного клуба, то должны вести себя как политики.

– И?

– Компания обиженных гиков, объединившись в федерацию, может устроить массу проблем. И если мы претендуем на какое-то влияние, нам лучше их не злить.

Повисло молчание.

– Не стоит действовать им на нервы, – пояснила Фрэнки, – кто их знает, что они могут устроить, если объединятся.

Молчание затягивалось.

– Хорошая мысль, – прервала общие раздумья Зеда. – А второй пункт?

– Это вечеринка. Там будет много наших знакомых. Нас пригласили.

– И что?

– Как что? Мы хотим пойти? Я, честно говоря, сходила бы на вечеринку.

Потом все быстро проголосовали, и по итогам голосования дискуссионный клуб школы Алабастер официально присоединился к Федерации гиков.

Фрэнки вышла из комнаты торжествуя. Это был самый счастливый момент за весь первый год в школе.

* * *

На вечеринке она познакомилась с Портером Уэлшем из «Клуба шпионов». Члены этого клуба претендовали на обладание всякими магическими шпионскими штучками, вроде оборудования для наблюдения, устройствами для снятия отпечатков пальцев и металл о детекторами. Только они знали, что у них нет ничего, кроме пары биноклей и одной крохотной камеры, а большую часть времени члены клуба проводили за чтением и обсуждением романов Джона ле Карре и Фредерика Форсайта. В любом случае в клубе их было только четверо.

В свои пятнадцать Портер успел вырасти до 190 сантиметров. Он отрастил длинные черные волосы, а таким мощным торсом не могли похвастаться даже самые высокие его сверстники.

Танцевал он не очень хорошо и знал об этом, но на его лице часто появлялось удивленное выражение: словно время от времени он внезапно обнаруживал себя танцующим. Причем с девушкой.

Разумеется, Фрэнки уже знала о том, кто такой Портер. Его отец возглавлял энергетическую компанию, чрезвычайно прибыльную, имя которой то и дело всплывало в «Нью-Йорк таймс» в связи с сомнительными практиками ведения бизнеса (в Алабастер все знали подобные вещи о семьях друг друга). Несколько лет назад состоялся судебный процесс, который в итоге ничем не закончился, и еще несколько исков оставались на рассмотрении – но мистер Уэлш сохранял свой пост, доходы и скандальную известность. Портер был младшим из троих детей. Все они учились в Алабастер, его сестра Джинни была на два класса старше.

Портер спросил Фрэнки, не хочет ли она позаниматься с ним алгеброй в библиотеке завтра вечером. Она согласилась.

Они смеялись, делая домашнюю работу (материал восьмого класса). Оба они любили читать и клубничный «ментос». Прежде чем Фрэнки успела понять, что происходит, Портер уже провожал ее в общежитие, и они целовались под фонарем. Он ей нравился. Ей нравился его рост. Он больше походил на мужчину, чем другие парни его возраста. Ей нравилась его комната, заваленная стопками романов в бумажной обложке. Ей нравилось смотреть, как он играет в лакросс – на поле он был настоящей звездой. Но ей трудно было поверить, что *она* ему действительно нравится. Тогда она еще походила на застенчивого ребенка – острые локти, слишком длинные ноги, выдающийся подбородок, непослушные кудряшки. Но Портер говорил, что с ней весело и что у нее красивые глаза.

Встречаться с парнем оказалось неплохо. Хотя они и не были «влюблены» друг в друга, и вопрос любви даже не поднимался, но Фрэнки и Портер встречались несколько месяцев. Она ходила на матчи по лакроссу. Он посещал дебаты, в которых она участвовала. Они посылали друг другу милые письма по электронной почте и проводили вместе каждый субботний вечер. Она познакомилась с его родителями, когда те приезжали в школу (и с удивлением обнаружила, что отец Портера, о котором он говорил с таким отвращением, оказался веселым лысеющим мужчиной). Они держались за руку в кино и вместе садились в столовой. Они пробыли вместе дольше, чем все остальные пары на первом курсе.

До середины мая.

Девятнадцатого мая Фрэнки застала Портера с Бесс Монтгомери, второкурсницей – у нее было лицо в форме сердечка, и ей очень нравились высокие парни.

Фрэнки долго плакала.

Портер извинялся.

Фрэнки сказала, что не хочет с ним разговаривать и никогда больше не захочет.

Она думала, что он прибежит к ней, будет стучаться в дверь и умолять о прощении, но он так и не пришел.

Мэттью

На второй день учебы, еще до того, как начались занятия, Фрэнки увидела Мэттью на школьном дворе.

Он учился на последнем курсе. Подбородок с ямочкой, губы, всегда готовые приветливо улыбнуться, непослушные темные волосы и очки в черной оправе, так контрастирующие с его широченными плечами. Мэттью носил фамилию Ливингстон. Его отец владел газетами в Бостоне, Филадельфии и Берлингтоне. Мать была известной светской львицей, занималась благотворительностью, собирала пожертвования для Детского фонда больных диабетом и прочих достойных организаций.

Его семья вела свой род от поселенцев Джеймстауна⁵, но вы бы никогда не догадались об этом по его одежде. Как и все остальные в Алабастер, Мэттью не демонстрировал свое богатство. Старые чиносы, тонкая красная футболка с пятном на животе, древние кроссовки и тот же самый рюкзак, который Фрэнки видела у него в прошлом году. Он редактировал школьную газету и выступал в команде гребцов на восьмерке в тяжелом весе. Немаловажно отметить, что он прославился в качестве организатора ночных вечеринок и угонщиков гольфмобилей.

Фрэнки заметила Мэттью, когда катила на велосипеде в новый спортзал. Они с Триш собирались пойти поплавать. Он шел по тропинке, и вид его бедер, движущихся под потертой тканью цвета хаки, настолько ее заворожил, что она – безмозглая девчонка – потеряла управление, велосипед вильнул в траву и опрокинулся.

Черт. Она оцарапала ногу и выставила себя душой. Фрэнки чувствовала себя идиоткой, пока Мэттью Ливингстон – Мэттью Ливингстон! – не бросился ей на помощь.

Теперь она чувствовала себя гением и жалела только о том, что на сентябрьской жаре волосы у нее выются. Потому что рядом с ней стоял он и, казалось, переживал за нее. Мэттью Ливингстон!

– С тобой все в порядке? – Мэттью снял с нее велосипед и отбросил его в сторону, как будто тот ничего не весил. Фрэнки опустила глаза на ногу и увидела на лодыжке кровь. К своему облегчению, она обнаружила, что может сказать что-то не очень глупое.

– Говорят, это все равно что ехать на велосипеде, – усмехнулась она. – Но я что-то сомневаюсь.

Мэттью улыбнулся.

– Обзавелась ногами для нового учебного года?

– Именно, – ответила Фрэнки. – Но они пока не хотят нормально работать.

Говорить с ним оказалось на удивление легко. В прошлом году она двух слов не могла связать в его присутствии.

– А теперь, – обиженно продолжила она, – я их перепачкала.

Он протянул руку и помог ей встать.

– Ты новенькая тут, верно? Меня зовут Мэттью Ливингстон.

– Нет. – Она старалась никак не выказать переполнившего ее разочарования. Он ее не помнил.

– Что? – переспросил Мэттью.

– Я на втором курсе. Я училась здесь в прошлом году.

– Правда?

– Я Фрэнки. Младшая сестра Зеда Ландау-Бэнкс.

– Не знал, что у Зеды есть сестра.

⁵ Джеймстаун (англ. Jamestown) – первое поселение англичан на территории современных США.

Строго говоря, Зеда познакомила Фрэнки с Мэттью, и не один раз. Фрэнки даже сидела с ним (и многими другими) за одним столом в столовой. Дважды. Один раз, чтобы проиллюстрировать свою позицию в споре, он собрал у всех за столом огрызки кукурузных початков и сделал из них, пластмассовых подносов и стаканчиков из-под сока модель Парфенона только затем, чтобы сдаться, когда она была на три четверти готова, сказав:

– Нет, это слишком противно. Лучше уж я проиграю спор.

В следующий раз, ближе к концу весны, он обсуждал со своим другом Дином поездку через всю страну с кем-то по имени Альфа. Они собирались ехать на машине через всю страну останавливаясь в грязных придорожных забегаловках.

– Мы хотим найти идеальный яблочный пирог, – пояснил Мэттью.

– Или вишневый, – добавил Дин.

– Или вишневый. Или лимонный с меренгами. В общем, реально хороший пирог. В общем, смысл в том, чтобы осенью вернуться на учебу килограмма на четыре тяжелее, чем сейчас.

– И мы собираемся снять это на видео, – добавил Дин. – То есть снять типа документальный фильм, как мы едим пироги, пересекая Америку.

– Если мы выживем.

– А, да. Альфа водит как ненормальный. Мне рассказывали, что он пытался устроить гонки в этой его школе, как ее там?

– Кто такой Альфа? – спросила Фрэнки.

Зеда покачала головой, как будто пытаясь сказать: «Тихо, я потом объясню».

– Зачем ему устраивать гонки?

– Он посмотрел «Бунтарь без идеала»⁶. Ты же знаешь, он любит неприятности. В любом случае можешь представить себе этих парней из Нью-Йорка: как, ты хочешь с нами гоняться на этом «вольво»? Он же ездит на этом «вольво», который ему купила мать, подержанном и все такое. И Альфа в ответ: да, я сделаю вас на этом «вольво»! А потом они его увидели, и теперь они его боятся, потому что Альфа на «вольво» – это то же самое, что все остальные на чертовой гоночной машине.

Зеда закатила глаза:

– Вот придурок.

– Да нет, он не собирается участвовать в гонках, – засмеялся Дин. – Ты же знаешь Альфу, он любит трепаться.

– Но все-таки он водит как псих, – добавил Мэттью, – так что мы приедем либо отъевшись, либо в гробу, но в любом случае не такими, как сейчас.

– И привезем с собой кино об этом! – добавил Дин. – Как бы оно ни было.

– Нет, ребята, вы действительно придурки, – рассмеялась Зеда и встала, чтобы отнести поднос.

– За это ты нас и любишь! – крикнул Мэттью ей вслед.

– Может быть, да, а может быть и нет! – отозвалась Зеда.

– А куда делась Зеда? – спросил Мэттью у Фрэнки, которая поднимала свой велосипед.

– Уехала в Беркли. Она разбила отцу сердце, отказавшись ехать в Гарвард.

– А ее брали в Гарвард? – Мэттью, кажется, впечатлился. Фрэнки понравилось, как он при этом прищурился. – Кто же может отказаться от Гарварда?

Фрэнки пожала плечами.

– Ей это не интересно. Ей хотелось чего-нибудь подемократичнее. Подальше от дома. От отца трудно отвязаться.

⁶ «Бунтарь без идеала» (1955) – американский художественный фильм Николаса Рэя, молодежная драма, в главной роли Джеймс Дин (1931–1955).

Мэттью кивнул.

– Так что, показать тебе все?

– Я же сказала, я не новенькая. Ты меня просто не помнишь. – Фрэнки это все же обидело.

– Да я понял, что ты не новенькая.

– О.

– Но...

– Но что?

– Может, тебе все равно не помешает экскурсовод?

Он флиртовал с ней.

Мэттью Ливингстон, который нравился Фрэнки с тех пор, как она увидела его за сооружением этого дурацкого кукурузного Парфенона, хотя тогда она встречалась с Портером. Мэттью, при виде которого у нее начинало быстрее биться сердце. Мэттью, с этими широкими плечами, острыми скулами и очками в черной оправе. Мэттью флиртовал с ней.

– Помогите, помогите. Я истекаю кровью и не могу найти новый спортзал! – воскликнула она, театрально прижимая руку ко лбу.

– Вот, другое дело, – кивнул Мэттью и проводил ее туда, куда она направлялась, рассказывая байки обо всем, что им попадалось по пути.

Альфа

На самом деле Альфу звали Алессандро Тезорьери, но его никто давно так не называл. На третий день его учебы на первом курсе (а сейчас он был на последнем) его статус лидера оказался настолько очевиден, что кто-то в шутку назвал его альфа-самцом, и это прозвище к нему так и прилипло.

Мать Альфы, Елена, никогда не была замужем за его отцом. Когда Алессандро исполнился год, она встретила симпатичного ювелирного магната и поступила к нему на содержание. Они встречались много лет, хотя никогда не жили вместе. Альфа вырос в роскоши: самые лучшие школы, пентхаус на Пятой авеню, загородный дом. Магнат ушел от Елены к женщине помоложе в то лето, когда Альфа закончил второй курс. Он оставил им пентхаус (содержание которого обходилось в чудовищную сумму) и исчез из их жизни.

Не заплатив за следующий год обучения.

Так что Альфа провел год в бесплатной школе в Нью-Йорке, успев за это время стать легендой Алабастер. Однако, несмотря на слухи о его триумфах в гонках, петушиных боях и настольном футболе, он был несчастен.

С приходом весны он, не посоветовавшись с Еленой, написал письмо директору Ричмонду, объяснив ситуацию (пентхаус так и не был продан, а попытки Елены попробовать себя в дизайне интерьеров не приносили особого дохода), и попросил разрешения вернуться на последний курс – на стипендию.

Его приветствовали как победителя. Фрэнки узнала всю историю Альфы от Мэттью, пока тот провожал ее до бассейна. И хотя Фрэнки промолчала – она чувствовала, что Мэттью вряд ли захочет, чтобы его перебивали, когда он рассказывает о своем друге, – она решила, что это больше напоминало возвращение с поджатым хвостом, чем триумф.

Остается ли вожак вожаком, если увезти его от стаи? – задалась вопросом Фрэнки. Сумел ли он пробиться на верхнюю ступень в новой стае или стал последним номером, никому не нужным чужаком? И если в новой стае он теперь вожак – а в этом были убеждены все, кто знал Тезорьери, – зачем бы ему вообще возвращаться в старую?

– А почему он вернулся? – спросила Фрэнки.

Они стояли у нового спортзала и смотрели сквозь плексигласовые окна на стену для скалолазания, высившуюся от пола до потолка. Фрэнки уже опоздала. Она знала, что Триш, скорее всего, уже плавает без нее. Но еще она знала, что, поскольку опоздала она из-за Мэттью Ливингстона, Триш ее простит.

– Не смог жить без меня, – пошутил Мэттью.

– Но если у него там была такая свобода? Устраивал петушиные бои в Нижнем Ист-Сайде, как ты говорил. Он не похож на парня, который захочет возвращаться в закрытую школу. У нас тут все расписано по часам, и кто-нибудь постоянно следит за тем, что мы делаем.

– Для таких, как Альфа, правила существуют, чтобы их нарушать. Он любит сложности, – пояснил Мэттью, переводя взгляд с альпинистов на Фрэнки. – Я думаю, для Альфы с его «вольво» и его ручным петухом город – уже пройденный этап. Он вернулся, чтобы сделать что-то действительно *трудное*.

Фрэнки покачала головой:

– Он вернулся, потому что из Алабастер проще поступить в хороший университет, да?

– Возможно, – согласился Мэттью. – Глянь-ка, легок на помине.

– Что?

– Это он. – Мэттью ударил кулаком по стеклу. – Альфа!

– На стене?

– Да, он на этой чертовой стене. Как будто из ниоткуда появился. Готов поклясться, что его только что здесь не было, верно?

Фрэнки пожала плечами и последовала за Мэттью, который вбежал в спортзал и скатился по длинной лестнице к подножию стены. Дин страховал Альфу, пока тот спускался с самого верха. Мэттью и Фрэнки стояли внизу и наблюдали.

Фрэнки думала, что Альфа Тезорьери окажется типичным итальянским плохим парнем, слегка небритым, одетым в черную кожу и на мотоцикле.

Но оказалось не так.

Он был парнем с побережья Джерси.

Тем самым, который выцыганил у нее мороженое.

Который сказал: «Видимо, я безнадежен».

Который сказал: «Я постоянно есть хочу».

Среднего роста, с песочного цвета волосами, с мощной грудной клеткой и лицом младенца. Альфа не смотрел на Фрэнки.

– Арррр! – зарычал он, прыгнув на землю. – Эта стена только что пнула меня так, что я долетел до Тускалусы. Здесь и сейчас я объявляю этой стене войну, Дин. Ты меня слышишь? Я ее одолею до конца семестра.

– Ты не в форме, пес, – усмехнулся Дин.

– Да, такое впечатление, что каждый чертов кусок кокосового пирога, который я съел за лето, тянул меня вниз по этой чертовой стене. – Альфа театрально бросился лицом вниз на маты. – Теперь я буду лежать здесь в компании запаха грязных ног, – торжественно объявил он. – Это все, на что я сейчас способен.

– Пес, тут Ливингстон с какой-то девушкой.

Альфа вскочил с матов.

– Ливингстон! – закричал он, кидаясь к Мэттью. – Позволь мне выразить братскую любовь, вытерев о тебя свой пот! – Он вытер раскрасневшееся лицо о футболку Мэттью. – Как Винъярд⁷?

– Повсюду овцы, пес, – ответил Мэттью. – Овцы, насколько хватает глаз. А когда овцы заканчиваются, начинаются быки.

– Обожаю быков! – Альфа бросил короткий взгляд на Фрэнки. Интересно, он узнал ее?

– Ты их не видел, – ухмыльнулся Мэттью.

– Нет, правда, они такие суровые. Разве ты бы не хотел побычить? То есть стать быком? – спросил Альфа.

– Правильно, стать быком. И нет, спасибо, не хотел бы.

– Ты кто? – Альфа повернулся к Фрэнки. – Зови меня Альфа.

– Это Фрэнки, – сказал Мэттью.

Так значит, он ее не узнал. Фрэнки протянула руку, и Альфа пожал ее. Ладонь у него была влажная от пота, но Фрэнки помнила его рукопожатие.

– Извини за пот. Теперь, когда я вытер его о тебя, мы связаны на всю жизнь. Ты знала? Она рассмеялась.

– Серьезно. Я делаю это только с теми, кто мне нравится. Ты же видела, как я сделал это с Ливингстоном? Это как кровное братство.

Мэттью сделал вид, что пинает Альфу.

– Не говори так с ней, она больше не захочет нас видеть.

– О, так ты теперь с Ливингстоном? – спросил Альфа.

– Мы только познакомились, – засмеялся Мэттью. – Отвали, пес.

⁷ Винъярд (Маргас-Винъярд) – остров в 6 км от мыса Кейп-Код на юго-востоке штата Массачусетс, любимое место отдыха ньюйоркцев и бостонцев, а также голливудских звезд и политиков.

– Но он из нас самый красивый, тебе не кажется? – сказал Альфа, вытирая пот со лба. – Вроде Адониса или типа того.

Фрэнки не могла этого отрицать. Вместо этого она сказала:

– Кажется, пару недель назад я видела тебя на пляже.

Альфа прищурился – точно так же, как в тот день, когда они встретились в первый раз.

– Я из Нью-Йорка. Там плохо с пляжами, если ты не имеешь в виду Кони-Айленд. Но слушай, если девушка с Ливингстоном, она мой друг. Кстати, Дин, познакомься с Фрэнки.

Дин подошел к ним.

– Привет, Фрэнки.

– Она сестренка Зеды, – пояснил Мэттью. – Помнишь Зеду?

– Ты новенькая? – спросил Дин.

– На втором курсе, – ответила Фрэнки.

– Странно, – сказал Дин, – готов поклясться, я в жизни тебя не видел. Я бы тебя запомнил. Знаю, что запомнил бы.

Когда Мэттью не узнал ее, Фрэнки даже немного обрадовалась, что так сильно изменилась за лето. Когда Альфа не узнал ее, она почувствовала себя ничтожной – очередная девушка, с которой он заговорил на пляже, чтобы тут же забыть о ней. Но когда ее не узнал Дин, она разозлилась.

– Мы с тобой обедали вместе. И не один раз, – сказала она, глядя ему прямо в глаза. – Я сидела с сестрой. Как-то мы с тобой обсуждали «Пиратов Карибского моря».

– Аттракцион или фильм?

– Аттракцион. Старый в сравнении с новым.

– Не помню.

– Я рассказывала тебе, что в старом были спрятаны Микки Маусы и тени Плуто. Мы с Зедой еще заранее прочитали, где их искать, прежде чем пошли туда.

Дин покачал головой.

– Огромная скала, которая выглядит как Гуфи?

Он пожал плечами, и Фрэнки задалась вопросом, как он мог забыть тот разговор.

– Да этот придурок никогда ничего не помнит, – махнул рукой Мэттью, как будто сам только что продемонстрировал такую же амнезию. – Дин, ты же придурок?

– О да, я придурок. Спроси любого.

– Альфа, – спросила Фрэнки, повернувшись к нему, – Дин – придурок?

– Разумеется, Фрэнки-которую-я-испачкал-своим-потом. Но, кроме того, у него нет кратковременной памяти. Он уничтожил половину клеток мозга тем устройством, которое лежит у него в комнате.

Дин кивнул:

– Это правда. Мои когнитивные функции заметно снижены.

– За исключением того, что ты учишься на одни пятерки. – Мэттью ткнул Дина кулаком в плечо.

– Без исключений, – ответил Дин. – Это просто ловкость рук и зеркала. Не обращай внимания на человека за занавеской.

Фрэнки не могла продолжать злиться, хотя была уверена, что Дин ей солгал. Как можно злиться, когда они так валяют дурака?

Когда они ведут себя потрясающе глупо. Когда они готовы наговорить про себя гадостей при малейшей возможности, броситься на землю, признать свои недостатки. Дин открыто смеялся над собой и вел себя так, словно ему стыдно за то, что он круглый отличник. Альфу не смущало, что он едва влез наверх по самому легкому маршруту, он вытирал пот о других и смеялся над собственными физическими недостатками. И Мэттью – ну, она все равно не смогла бы злиться на Мэттью.

Эти ребята так уверены в своем месте в жизни, так убеждены в своих достоинствах и своем будущем, что им совершенно ничего не требовалось доказывать.

Прелести

– Это тот же самый парень с пляжа. Чем угодно поклянусь, – закончила Фрэнки, когда они с Триш доплыли до конца дорожки.

Триш, если вы помните, ее соседка.

– Быть не может, – тяжело выдохнула она.

– Это он, – произнесла Фрэнки.

– Тот, который забрал у тебя мороженое? У которого ты не спросила имени?

– Да.

– И вы бросились друг другу в объятия?

– Он меня не вспомнил.

– Да брось.

– Никто из них меня не вспомнил, Триш.

– Ты шутишь.

– Ни Дин, ни Мэттью, ни этот Альфа. Как будто я невидимая.

– Как будто ты была невидимой, – поправила ее Триш. – А теперь нет.

– Потому что у меня выросла грудь? Да ладно. Им приходится время от времени смотреть на лица девушек. Как они иначе собираются нас различать?

Триш рассмеялась.

– Готова поспорить, что, если бы все начали носить корректирующее белье или пуш-апы, парни в этой школе не смогли бы узнать половину женского населения. Разве ты не замечала, что они всегда говорят, обращаясь к твоей груди?

– Нет.

– Ну, у тебя в прошлом году и груди-то толком не было, только не обижайся. Но они поступают именно так. Они говорят с... твоими прелестями. Если ты понимаешь, о чем я.

– Да не может все дело быть в них.

– Может.

– Ну серьезно.

Триш подтянулась и выбралась из воды.

– Ладно, ты права. Мэттью не вспомнил тебя, потому что он важная персона в кампусе. Он думает только о людях своего круга и не обращает внимания ни на что другое, даже если это прямо у него под носом. За исключением девушек, которые ему нравятся.

– Что ты, он не такой.

– Как хочешь. А вот насчет Дина ты права. Он врет. Этот Дин постоянно пытается сделать вид, что он важнее, чем он есть. Он делает вид, что не узнает тебя, потому что так он может почувствовать себя главным в разговоре.

– Но зачем это ему?

– Потому что ты нравишься Мэттью, вот почему. А Дин чувствует угрозу во всем, что может отвлечь Мэттью.

– Хорошо, что твоя мама мозгоправ.

Триш выжала воду из волос.

– Да, неплохо. Перейдем к третьему пункту. Не может быть, чтобы этот Альфа тебя не помнил. Вы с ним флиртовали на пляже всего две недели назад.

– Я даже упомянула об этом, но он только отмахнулся. Как будто это был не он. – Фрэнки тоже вышла из воды и вытирала ноги полотенцем.

– Зачем ему так себя вести?

– Не знаю.

– Но тот парень с пляжа знал, что ты учишься в Алабастер, да? То есть, если это тот же парень, он знает, что ты та девушка.

– Я знаю. – Они вошли в сауну, наполненную запахом кедра, и улеглись на полки.

– Ты расстроена? – спросила Триш. – Он тебе нравится?

– Я бы... – задумалась Фрэнки. – Может быть... Но я была с Мэттью Ливингстоном.

Триш встала и поправила полотенце.

– Поэтому Альфа и сделал вид, что не помнит тебя. – Триш снова вытянулась на полке.

– Почему?

– Потому что ты была с Мэттью.

– И?

– И то, что Мэттью говорил с твоей грудью, а когда Мэттью говорит с чьими-то прелестями, все конкуренты могут отойти в угол.

– Фу.

– Ну, как-то так.

– То есть Альфа уступил Мэттью?

– Мэттью... Как бы сказать. Если бы у меня не было Арти, я бы ему не отказала. Ни одна девушка в Алабастер не отказала бы ему. Он же Мэттью Ливингстон. Так что у Альфы было право первенства, но он отступил, потому что ты оказалась с Мэттью Ливингстоном.

– Ты говоришь, как будто я кусок мяса.

– Нет, конечно, что ты. Я просто тебе завидую.

– Как?

– Я бы не отказалась, чтобы парни ссорились из-за меня. Мне даже еще нет шестнадцати, а я все равно что замужем.

– Я даже не уверена, что нравлюсь ему, – вздохнула Фрэнки.

– Которому?

– Любому. Мэттью.

– Не думаю, что Альфа заговорил с тобой на пляже только ради мороженого.

Фрэнки потянулась.

– Может быть, не настолько он и альфа-самец, если вот так отступил.

– И я о том же, – сказала Триш.

Паноптикум

На следующей неделе Фрэнки несколько раз видела Мэттью в столовой с ребятами-старшеклассниками. Но когда ты в девятом классе – ты не можешь так просто подойти к ним и при всех поздороваться. Однажды он пробежал мимо нее, переодетый для футбольной тренировки с парой бутсов в руке.

– Опаздываю! – улыбнулся он ей, обернувшись на бегу, и унесся по направлению к полю.

Ох, какие у него ноги.

Может, она и не заинтересовала его? Фрэнки задумалась, провожая его взглядом. Может, она для него слишком маленькая?

Может, она разонравилась ему, когда напомнила Дину о споре из-за «Пиратов Карибского моря»?

Всю неделю она старалась не думать о нем и занималась учебой. На выходных они с Триш и Арти поехали в город поиграть в фрисби.

В начале второй недели занятий Фрэнки решила отказаться от латыни и выбрала предмет под названием «Города, искусство и протест», обещавший быть интереснее. Вела его мисс Дженссон, недавно пришедшая в Алабастер. Она носила расшитые бусинами свитера и необычные юбки. Мисс Дженссон получила степень магистра истории искусств в Колумбийском университете. Она говорила всем, что сбежала в Алабастер из Нью-Йорка, но на уроках она только и делала, что обсуждала Нью-Йорк. Забавно.

Это был первый предмет на памяти Фрэнки, который нельзя было описать одним словом. Французский. Биология. Латынь. История.

Мисс Дженссон рассказывала о разных городах и их концепциях. Об отличиях городов, растущих естественным образом, от маленьких, специально спланированных поселений, таких как кампус Алабастера. Ученики читали архитектурную критику, историю Парижа и изучали Паноптикум – тюрьму, спланированную философом Иеремией Бентамом, жившим на рубеже восемнадцатого – девятнадцатого веков, но так никогда и не построенную.

Архитектура Паноптикума позволяла охране наблюдать за узниками так, чтобы те не знали, смотрят на них или нет, и в итоге те начинали чувствовать, что за ними постоянно следит некое вездесущее существо. Другими словами, все узники Паноптикума знали, что в любой момент на них могут смотреть, так что в итоге требовался минимум охраны. Паноптикум внушил бы своим обитателям настолько всеобъемлющее чувство паранойи, что они сами бы начали себя охранять.

Мисс Дженссон задала ученикам прочитать выдержки из книги «Надзирать и наказывать», в которой Мишель Фуко использует идею паноптикума в качестве метафоры западного общества с его страстью к стандартизации и наблюдению. Это значит, что мы проводим свою жизнь в среде, которая работает как паноптикум. Школы. Больницы. Заводы. Офисные здания. Даже городские улицы.

За вами всегда кто-то наблюдает.

Или, *возможно*, кто-то наблюдает за вами.

Или вам *кажется*, будто кто-то наблюдает за вами.

Таким образом, ты следуешь правилам, независимо от того, следят за тобой или нет.

Ты начинаешь думать, что за тобой следит нечто сверхъестественное. Что наблюдатель знает о тебе такие вещи, которых ты никогда никому не рассказывала. Даже если наблюдатель – всего лишь директор частной школы. Или восемнадцатилетний школьник.

Или пятнадцатилетняя девушка, *притворяющаяся* восемнадцатилетним школьником.

Это постоянная паранойя. Как то жуткое чувство, когда тебе кажется, что отец знает о том пиве, хотя ты выпила его четыре дня назад, и нет никаких признаков того, что отец в курсе.

Или закрываешь за собой дверь туалета, даже если ты одна в доме. Или когда у тебя новый парень, а ты у себя в комнате ковыряешь в носу – и думаешь, что это мерзко, и что каким-то образом твой парень это увидит и бросит тебя – такую мерзкую, – как только вы встретитесь в следующий раз. А еще ты как будто слышишь голос своей бабушки, которая напоминает, что надо пользоваться салфеткой. И та жуткая девчонка-заводила – ты помнишь ее мерзкий голос, когда в пятом классе она увидела, как ты размазываешь козьявку по нижней стороне парты, и полгода говорила всем, что ты ешь сопли, хотя всем должно быть ясно, что если бы ты ела свои козьявки, ты бы не размазывала их по парте.

То есть ты не можешь решить: ковыряешь ли ты в носу, потому что тебе так хочется, или не ковыряешь, потому что это не гигиенично. Ты как будто разговариваешь со всеми, кто мог бы за тобой наблюдать и осудить тебя (за действие или желание) – даже если умом понимаешь, что тебя никто не видит.

Это и есть паноптикум.

«Города, искусство и протест» оказались куда лучше латыни. Фрэнки быстро прочитала все, что им задали.

Приглашение

Впервые Фрэнки увидела бледно-голубые конверты на уроке истории где-то в середине второй недели учебы. Стелла Аллан, девушка со второго курса, которая жила в том же коридоре, что и Фрэнки, сидела рядом со своей подругой Клаудией – они сравнивали свои конспекты.

Стелла была маленького роста. Рулевая в команде гребцов. Громкий, резкий голос. Носила такой длинный хвост, что Фрэнки удивлялась, как он ее не перевешивает. Мозг у нее был размером с кукурузное зернышко.

– Кто-нибудь еще получил такой? – окликнула всех Стелла, демонстрируя конверт.

Фрэнки знала, что Стелла встречается с Дином.

– Нет.

– А ты? – Стелла повернулась к Триш.

– Что это?

– Ты знала бы, если бы получила такой же! – пропела Стелла. – Если у тебя его нет, я не могу показать тебе свой.

В столовой во время обеда Фрэнки не могла не заметить бледно-голубые конверты в руках и карманах некоторых популярных старшеклассников. А когда она взглянула на угловой стол, который всегда занимали такие люди, то Мэттью, Дин, Альфа и вся их стая сидели, откинувшись назад, карточки лежали на столе.

После обеда Фрэнки проверила свой почтовый ящик, но там не оказалось ничего, кроме рекламки матча по водному поло в субботу.

* * *

Вечером Фрэнки сидела в библиотеке одна. Она отпросилась из общежития, чтобы подготовиться к завтрашней контрольной по биологии, а когда закончила с биологией, спустилась в секцию 8000 поискать какую-нибудь интересную книжку.

Среди металлических стеллажей в подвале библиотеки было холодно, стоял запах пыльной бумаги. Фрэнки искала что-нибудь из П. – Г. Вудхауса – ей понравилась «Что-нибудь эдакое», прочитанная летом. Она не потрудилась заглянуть в каталог, так что сейчас просматривала полку с авторами на букву «В», забыв, как правильно пишется его имя, и уже начала задаваться вопросом: не стоит ли ей подняться наверх и найти помощь в компьютере или выбрать что-нибудь интересное из того, что проще найти, как вдруг услышала голоса.

В конце длинного ряда стеллажей располагались кабинки для индивидуальных занятий с лампами дневного света и дверцами из прозрачного пластика. В каждую кабинку помещались два стула и стол. В одну из них втиснулись четверо парней со старшего курса – Мэттью, Альфа, Дин и Каллум – двое сидели на столе, двое на стульях. Кабинки были неплохо изолированы, и Фрэнки не слышала, что они говорят. Не задумавшись над этим обстоятельством – не считая, конечно, осознания того, что Мэттью Ливингстон находится всего в паре метров от нее, она двинулась дальше вдоль стеллажа, где наконец, нашла целую полку с книгами Вудхауса. Выбрав «Кодекс чести Вустеров» из-за названия, девушка усеялась на пол и открыла ее. Фрэнки настолько погрузилась в чтение, что вздрогнула, когда дверь кабинки открылась и до нее донеслись голоса.

– Гиджет... – рассмеялся друг Мэттью Каллум. – Ребята, я вам не верю.

Гиджет была симпатичной девушкой с третьего курса, которая пока еще ни с кем из Алабастер не встречалась.

Мэттью отвесил Каллуму шуточный подзатыльник.

– Это не благотворительность, придурок.

– В каком смысле? – спросил Каллум.

– Это аванс в счет будущих услуг, – ответил Мэттью.

– Как скажешь.

– Мы серьезно, – сказал Альфа, приобнимая Каллума за плечи, – нам в будущем могут понадобиться твои таланты.

– Ладно.

– А пока не забудь про свидание с Гиджет в пятницу, – сказал Мэттью. – Альфа, ну ты и сводник.

– Это правда. – Фрэнки видела, как Альфа во главе компании прошел мимо прохода, в котором сидела она. – Я люблю вмешиваться в чужую жизнь, – продолжил он. – Это такой кайф.

– Ты псих, ты в курсе? – усмехнулся Мэттью.

– Надо было закрыть меня, – с философским видом произнес Альфа. – О, погоди, так меня же уже закрыли!

«Паноптикум», – подумала Фрэнки.

– Тюрьма Алабастер, – рассмеялся Мэттью.

– Такая зеленая, такая интеллектуальная, такая манящая, – простонал Альфа. – Что даже когда вожак сбегает, он приползает обратно, умоляя: посадите меня в клетку!

Они поднимались по лестнице и так шумели в библиотеке, словно были в ней хозяевами.

* * *

Спустя минуту Фрэнки слышала шаги в обратном направлении. Она подняла глаза и там – темный силуэт на фоне льющегося из кабинок света – стоял Мэттью.

– Привет, – сказал он. – Я так и думал, что это ты. Что читаешь?

Она показала ему «Кодекс чести Вустеров».

– Неплохая книжка.

– Читал ее?

– Читал у него другое. Не помню что. Слушай.

– Что? – Она хотела встать, но он стоял совсем рядом, наклонившись к ней, и если бы она поднялась, их лица оказались бы слишком близко.

– Ты проверяла почту? – спросил Мэттью.

– Эм, да. Утром. Давно.

– Ну, тогда, – он широко улыбнулся и повернулся к выходу из библиотеки. – Тебе стоит ее перепроверить.

Судя по звукам шагов, он перешел на бег и скоро исчез.

Фрэнки оставила стопку книг на полу и направилась к почтовым ящикам в главном здании. В холле никого не было, не считая сурово взирающих со стен бывших директоров и председателей попечительского совета. Фрэнки показала им язык и дрожащими руками открыла ящик.

Внутри оказался бледно-голубой конверт, запечатанный красным воском, как любовное письмо викторианских времен.

– Фрэнки Ландау-Бэнкс, – гласили вырезанные из газеты и наклеенные на карточку буквы. Все остальное было напечатано на принтере, и, по всей видимости, текст был одним для всех:

«Никому не рассказывай об этом приглашении. В субботу, через десять минут после отбоя, оденься в черное. Возьми с собой алкоголь – если сможешь. Приходи на поле для гольфа. Следи, чтобы тебя не заметили! Твоим товарищем в этой преступной жизни станет...»

пустое место и снова наклеенные буквы —

Мэттью Ливингстон.

Ни подписи, ни намек на то, кто прислал приглашение. Фрэнки перевернула конверт. Ничего. Она снова посмотрела на конверт. На красном воске проступала печать – силуэт собаки с длинными ушами. Бассет-хаунд.

Фрэнк-старший входил в клуб «Бассетов» в Алабастер. Каждые два месяца он брал Фрэнки и Зеду с собой в дорогой стейк-хаус в Бостоне, где встречался со старыми друзьями – Хэнком Саттоном (генеральным директором компании, производящей бумагу), Уильямом Стирфортом (известным адвокатом) и доктором Джоном Монтегю (главным врачом бостонской окружной больницы). Мужчины обычно выпивали пару бутылок вина и съедали по большому стейку, пока Фрэнки и Зеда ели сырное фондю. Старые однокашники расслаблялись от вина и белковой пищи и рассказывали о «Бассетах».

Это было секретное общество, хотя никто не мог сказать точно, в чем заключалась его цель. Фрэнк-старший рассказывал в основном о выходках вроде расклейки загадочных зашифрованных сообщений или побегов за периметр кампуса после отбоя. Судя по всему, они с друзьями хотели, чтобы Фрэнки и Зеда знали о существовании общества, но не собирались отвечать на прямые вопросы.

Однажды, созерцая остатки обильного ужина на испачканной белой скатерти, «старрики» признались, что вели запись своих проделок в тетради, которую называли «Бесславная история». Но когда Фрэнки спросила у мистера Саттона, что же они туда записывали, он только рассмеялся и покачал головой.

– Если я тебе расскажу, это перестанет быть тайной, так ведь?

– Но вы же рассказываете нам про общество, – удивилась Фрэнки, – так что это не такой уж секрет.

– Секреты обладают силой, если кто-то знает об их существовании, – ответил мистер Саттон. – Достаточно показать самый краешек, а остальное не выпускать на свет.

– А где вы храните эти записи?

– Упакованная в пластырь! – рассмеялся доктор Монтегю, которому досталось больше каберне, чем остальным.

– Смотрите на запад, парни! – захихикал Старший.

– О нет, – простонал мистер Стирфорт. – Только не это.

– Не могу поверить, что мы это делали, – усмехнулся доктор Монтегю. – Обратитесь к книгам, мужчины!

– О чем вы? – поинтересовалась Фрэнки.

– Да так, ничего особенного, – отмахнулся доктор Монтегю.

– Не обращай внимания на отца и этих старых дураков слева от меня, – сказал мистер Саттон. – Вы, очаровательные леди, лучше знаете, как вести себя в хорошем ресторане, нежели они.

– А кто сказал, что Фрэнки не станет «бассетом»? – заметила Зеда. Тогда она училась на старшем курсе, а Фрэнки только что поступила. – Может, она вступит в клуб. Тогда ей нужно обо всем рассказать.

Мистер Саттон расхохотался, а мистер Стирфорт сказал:

– Прости, Фрэнки, но это мужской клуб.

– Зеда, ты же это знала, – недовольно произнес Старший. – Зачем подкидывать Зайке идеи только для того, чтобы ее разочаровать?

– Да, знала, – ответила Зеда. – Я думаю, что это глупо, вот что.

– Хватит, – оборвал ее Старший.

– Кто будет десерт? – спросил доктор Монтегю. – Я возьму бостонский пирог с кремом.

* * *

Теперь, глядя на печать с бассет-хаундом на конверте, Фрэнки на какой-то момент задумалась, вспомнив об обществе, в котором состоял ее отец. Оно еще существует, это ясно. И Фрэнки задалась вопросом, как именно оно функционирует и какой властью обладает.

Но по большей части (давайте будем до конца честными) Фрэнки думала о другом. В конце концов, Мэттью Ливингстон – сам Мэттью Ливингстон – пригласил ее на свидание!

В лесах

Алабастер охранялся не слишком тщательно. Ощущения, что за тобой постоянно наблюдают, вызванного похожей на паноптикум сущностью закрытой школы, оказалось достаточно, чтобы большая часть учеников подчинялась правилам без нужды в дополнительном надзоре.

В субботу утром Мэттью просунул под дверь комнаты Фрэнки записку, где объяснил, что ей следует спуститься на второй этаж по северной лестнице – оставаясь, таким образом, как можно дальше от комнаты охраны, – потом пройти через гостиную в маленькую кухню, которой никто не пользовался и из которой черный ход вел на крохотное крыльцо и к мусорным контейнерам. Существовало мнение, что засов на двери подключен к сигнализации, но Мэттью знал, что как минимум в прошлом году это было не так.

Записка, написанная рукой Мэттью.

Внизу он большими буквами написал «Сожги это», но Фрэнки все равно полдня носила записку с собой. Она шла на свидание с Мэттью Ливингстоном.

Поздно вечером.

На вечеринку, которую устраивают он и его друзья.

Год назад Фрэнки сказала бы, что это невозможно. Она была ребенком, а он почти взрослым мужчиной. Она была никем, а он золотым мальчиком. Но вот все это происходит – так легко, как, ну., упасть с велосипеда.

Триш не пригласили. Ее парня, Арти, тоже. Фрэнки начала было извиняться, но Триш только отмахнулась:

– Я и без того проведу на поле для гольфа пару часов в субботу. Арти хочет поиграть. Я не собираюсь возвращаться туда среди ночи, чтобы посмотреть, как компания парней со старшего курса пьет пиво. Ненавижу такие вечеринки.

– С каких пор? – спросила Фрэнки, вытягиваясь на кровати. – С каких пор ты вообще бываешь на таких вечеринках?

– Братья брали с собой на Нантакете этим летом. Там просто холодно и скучно. Парни выпендривались друг перед другом и постепенно напивались.

– Там что, не было девушек?

– Были, но... – Триш вздохнула. – Все равно было понятно, что это только для парней. Я несколько раз сходила, а потом сказала Тоферу и Джеймсу, что останусь дома.

– И что ты делала?

– Смотрела кино с родителями. Пекла крамблы⁸.

– С ягодами?

– И с персиками. И с ревеном.

– Ты серьезно?

– Это прикольно, – ответила Триш. – Намного прикольнее, чем слушать, как парни говорят через губу и обсуждают спорт, уж поверь мне.

Слова подружки разозлили Фрэнки. Отказавшись от того, что делают парни, ради типично женского занятия, Триш закрыла дверь – дверь между собой и тем мужским клубом на берегу, куда ее привели братья. Да, конечно, приглашение никуда не делось. Она все еще могла открыть эту дверь. Но если она еще одно лето проведет за плитой, ребята перестанут приглашать ее. Вместо этого они привыкнут, что каждый раз по возвращении их ждет на столе теплый десерт.

⁸ Крамбл – классический английский десерт из фруктов, запеченных под корочкой из крошек песочного теста.

– Ты проснешься, когда я позвоню и попрошу впустить меня через кухню? – спросила Фрэнки, подавив раздражение.

– Разумеется, – ответила Триш. – Я положу телефон поближе.

* * *

Ночи стояли еще теплые – было только начало сентября, – так что Фрэнки надела черные чиносы и темно-синюю футболку с длинными рукавами. Она щедро нанесла кондиционер, чтобы укротить кудри, и тронула щеки перламутровыми румянами. Мэттью, как и обещал, ждал ее в лесу за общежитием Хитон.

– Привет, – шепнул он. – Ты добралась.

Она кивнула.

– Получила мою записку?

– Да.

– Сожгла ее?

– Вот, посмотри. – Фрэнки поднесла руку к его лицу

– Пластырь.

– Я не думала, что она будет так быстро гореть. На чем ты ее написал, на салфетке?

Мэттью рассмеялся. Они шли по лесу, окружавшему кампус Алабастер, там, куда не попадал свет фонарей с центрального двора.

Фрэнки видела пробирающиеся сквозь темноту фигуры в черном, хотя никого не узнавала.

Минуту они шли молча. Потом Мэттью взял ее за руку, за ту, на которой был пластырь.

– Я боюсь, что ты можешь снова поранить руку, – пояснил он. – Думаю, в целях безопасности мне лучше держать ее самому, чтобы защитить от шипов и злых лесных зверей.

– Ладно, – согласилась Фрэнки. – Но если тебе покажется, что она жирная, то это от мази, которую я наложила полчаса назад. Не думай, что я и сама покрыта жиром с головы до ног.

– Я учту.

– Я не источаю гной или что-то в этом роде.

– Юмористка.

Ладонь Мэттью оказалась большой и надежной. Фрэнки почувствовала, как от радости по руке пробежали мурашки.

– Это я и ищу в девушках, – продолжил Мэттью. – Я ищу кого-нибудь, кто не источает гной.

Она рассмеялась.

– А если серьезно, – сказал он, поглаживая другой рукой ее запястье. – Я рад, что ты пришла. Я переживал, что ты не придешь.

Он что, с ума сошел? Он старшекурсник, спортсмен, все считают его привлекательным, у него есть машина, однажды он унаследует целую кучу известных по всей стране газет, они с друзьями пересекли всю страну, снимая видео о том, как едят пироги. А она, Фрэнки... Нет, она не думала о себе слишком плохо. Она знала, что на удивление хорошо разбирается в некоторых предметах и умеет смешить своих друзей, и плюс-минус хорошо выглядит большую часть времени. Но при этом она оставалась гетеросексуальной второкурсницей без парня и без какого-то социального статуса (особенно теперь, когда Зеда выпустилась). Девушка в ее положении не может отказаться пойти на вечеринку на поле для гольфа с Мэттью Ливингстоном. Разве что на другой планете.

Фрэнки принялась лихорадочно подбирать ответ.

Ей ничего в этой жизни не хотелось больше, чем начать встречаться с Мэттью. Но он только что произнес эту фразу – о том, как он беспокоился, что она не придет, – на которую практически невозможно что-то ответить, сохранив при этом достоинство. Что можно сказать, чтобы получить то, чего ей так хочется? Синапсы в мозгу принялись просчитывать варианты, в том числе следующие:

Можно сказать: «А вот и я».

Протестую. Звучит жеманно.

Можно сказать: «Ну конечно, я пришла».

Протестую. Звучит так, будто я без ума от него.

Можно сказать: «А почему бы мне не прийти?»

Протестую. Ему будет неудобно отвечать на этот вопрос.

Можно сменить тему.

Протестую. Людям нравится, когда их слушают.

Можно сказать: «Я никогда не была на вечеринке на поле для гольфа».

Протестую. Слишком по-детски.

Можно сказать: «Я никогда не пропускаю вечеринки».

Протестую. Нагло. Кроме того, звучит так, будто в прошлом году я была на куче вечеринок, а он быстро выяснит, что это не так.

Мне нужно рассмешить его. И нужно сделать это так, чтобы Мэттью не был полностью уверен, что он мне нравится.

Гольф. Поле для гольфа.

– Я сносно играю в гольф, – наконец сказала Фрэнки спустя всего две целых и восемь десятых секунды. – И никогда не упускаю шанса сыграть пару лунок.

Получилось. Мэттью засмеялся!

Фрэнки буквально светилась от удовольствия. Это приятнее, чем выиграть дебаты в дискуссионном клубе.

– Тебе понадобятся инфракрасные очки.

– А что, у тебя их нет?

– Эм. Нет.

– Ты ждешь, что я буду играть в гольф ночью без серьезного армейского снаряжения? – притворно возмутилась Фрэнки. – Мне кажется, это нечестно. Хочу, чтобы эти технические проблемы учли при подсчете очков.

Обрадовавшись, что произносит достаточно внятные и даже забавные вещи, Фрэнки украдкой бросила взгляд на Мэттью. У него был профиль истинного бостонца, а белая кожа светилась под россыпью веснушек.

– Если бы я знал, что ты такая требовательная, я бы лучше подготовился, – улыбался он.

– Ага. Так это ты устраиваешь вечеринку.

Мэттью кивнул.

– Мы с Альфой. Мы составили список гостей, и Альфа поручил Волчице сделать приглашения.

– Волчице?

– Девушке Альфы.

У Альфы есть девушка. С каких пор у Альфы есть девушка? Разве не он заигрывал с Фрэнки три недели назад?

– Не знала, что у него есть девушка, – произнесла она со всей возможной невозмутимостью.

– О, у него всегда есть девушка. И она всегда Волчица, – сказал Мэттью. – Девушки могут меняться, строго говоря, девушки всегда меняются. Но имя остается.

Хм. Фрэнки задумалась: возможно она недооценивает Альфу. Когда они встретились в спортзале, она подумала, что он или не узнал ее, или отступил, потому что Мэттью заявил о своем праве на нее. Но теперь оказалось, что Альфа уже нашел себе Волчицу, и если у него всегда кто-то есть, то он как минимум не уступает Мэттью в популярности у девушек.

– Разве он вожак не собачьей стаи? – спросила Фрэнки. – При чем тут волки?

– Разумеется. Но мы джентльмены. Мы никогда не назовем даму..

– Ясно. И Альфа поручил этой Волчице сделать приглашения?

– Они только начали встречаться. Она еще пытается произвести на него впечатление, – рассмеялся Мэттью. – Она еще не поняла, что это невозможно.

Фрэнки впитывала информацию. Кто такая эта Волчица? Как она умудрилась настолько влиться в их компанию, что они поручили ей сделать приглашения на свою тайную вечеринку?

И почему на Альфу невозможно произвести впечатление?

Разумеется, она не могла задать эти вопросы Мэттью, так что сказала другое:

– Вы сами подобрали пары?

Он усмехнулся:

– Ага.

– Тогда, я так понимаю, ты хотел пойти на эту вечеринку со мной?

– Ну, – Мэттью слегка толкнул ее плечом, не отпуская ее руки. – Я хотел *куда-нибудь* с тобой сходить. Но что-то застеснялся и не смог позвать тебя куда-нибудь поесть или сходить в кино, как нормальный человек.

– Конечно, – не без сарказма протянула Фрэнки.

– Нет, правда. Так что мы решили устроить вечеринку, и мне не пришлось тебя приглашать, но ты со мной.

– Хитро.

– Я могу делать невероятные вещи, пытаюсь не делать чего-то другого, – согласился Мэттью.

– Например?

– Я устроил вечеринку, так чтобы мне не пришлось приглашать тебя лично. Я написал две лишние контрольные по английскому, чтобы отложить диктант по итальянскому на самый конец. Этим летом я построил лодку только для того, чтобы не проводить время с девушкой, которая – не знаю с чего – решила, что мы встречаемся. Или хотела встречаться со мной. Или что-то в этом роде.

– Ты построил лодку?

– Плоскодонку. В нашем загородном доме на Виньярде. Он в рыбацкой деревне. Она называется Менемша.

– Я думала, ты... – Фрэнки думала, что Мэттью пересекал страну на машине вместе с Дином и Альфой, но оборвала себя, не желая показать, что он для нее настолько важен, что она даже запомнила его планы на лето. Кроме того, он мог сделать и то, и другое.

– Я думала, ты имел в виду парусную лодку.

– Такие делает мой дядя, я нет. Эту я сделал просто для того, чтобы плавать по округе. Может быть, ловить рыбу, может быть, переправляться на сторону Аквинны с велосипедом. Ты знаешь Виньярд?

– Нет.

– О, тогда я все там тебе покажу. Там есть отличное место для езды на велике. Перебраться туда можно на крохотном паромчике. Или на плоскодонке с дырявым дном, если речь идет обо мне.

Ребята там вытаскивают омаров прямо из моря и кидают в котел. Ты любишь омаров, правда?

Фрэнки подумала: «Он покажет мне Винъярд? Что?»

А потом она подумала: «Я ему нравлюсь! Он хочет видеть меня летом. До которого еще столько времени».

А потом она подумала: «Что мне ему ответить?»

Мэттью отпустил руку Фрэнки и обнял ее за плечи. Она же продолжала размышлять: его предложение показать ей Винъярд (в нескольких часах езды на машине, а потом на пароме), то, что он, по всей видимости, не знал, что она иудейка (поэтому не ест омаров), и его допущение, что они пробудут вместе дольше, чем только сегодня. Спустя три и двадцать семь сотых секунды она решила, что не может ответить так, чтобы не показаться слишком наивной, застенчивой, сбитой с толку или обрадованной его приглашением – хотя все четыре пункта были правдой.

– А еще сколько пар ты составил на сегодня? – предпочла она спросить, думая о Гиджет и Кал луме.

– Несколько. Но никаких особенных злодейств.

– Например?

– Одного моего приятеля мы поставили в пару с девушкой, которая ему нравится. Составили еще несколько пар из наших друзей, которые плохо знакомы. Так, просто посмотреть, что будет. Пригласили ребят с младших курсов, но не очень много.

– То есть вы не срежиссировали никаких скандалов, не составили пары из злейших врагов, ничего такого?

Мэттью посмотрел на нее.

– Я не любитель шаденфройде.

– Что это?

– Радость, вызванная несчастьями других.

Фрэнки понравилось слово. *Шаденфройде*.

– Я тоже не любитель, – кивнула она. – Но не уверена, что смогла бы удержаться от искушения. Просто посмотреть, что случится с социальным порядком, если я составлю необычные пары.

– У тебя злобный маленький ум, ты в курсе?

Фрэнки рассмеялась.

– Я серьезно. Готов поспорить, что ты – тысяча проблем в красивой упаковке.

– Почему ты думаешь, что он маленький?

– Что?

– Мой злобный ум.

– Хорошо, внушительных размеров злобный ум. В красивой упаковке. Это главное.

Фрэнки почувствовала, что краснеет.

– Спасибо.

– Не за что, – сказал Мэттью. – Мне нравятся девушки, которые умеют принимать комплименты. Ты же знаешь, многие девушки на это говорят: «Ой, я? Да я не красивая, я страшная».

– Ага.

– Так вот, намного приятнее, если тебе отвечают просто спасибо. Так что не становись такой девушкой.

– Которая говорит, что она страшная? Ладно.

Они вышли из леса и пошли по тропинке к полю для гольфа.

– Фрэнки?

– Что?

– Ты ведь не станешь рассказывать своим друзьям, что вечеринку организовали мы с Альфой?

- Нет.
- Обещаешь? Рот на замке?
- Фрэнки не могла понять, в чем проблема, но кивнула.
- Не переживай, – сказала она. – Я отлично умею хранить секреты.

Поле для гольфа

Они дошли до небольшого домика с гаражом для гольфмобилей и шкафчиками для клюшек. Свет в здании не горел, а дверь была на замке. На мгновение Фрэнки показалось, что вокруг никого нет. Но потом они с Мэттью обошли домик и посмотрели вниз.

По склону холма на поле спускались почти сорок человек. Все в темной одежде, многие несли пиво, некоторые – покрывала, чтобы постелить на траву. По большей части старшекурсники, хотя Фрэнки разглядела Стеллу. Они держались за руки с Дином, которого легко было заметить по оранжевой охотничьей куртке. Мэттью схватил ее за руку, и они побежали вниз.

Спустя час Фрэнки успела замерзнуть, и не только она. Все оделись легкомысленнее, чем следовало бы. Принесенные покрывала скоро оказались на плечах у девушек, а без покрывала сидеть было не на чем – так что почти все стояли. Собравшиеся пили пиво и курили, но пива оказалось не так уж много – ведь все были еще несовершеннолетними – и оно почти закончилось. Поле для гольфа было засыпано пеплом и окурками. Фрэнки раздраженно подумала, что хоть кому-нибудь следовало бы складывать окурки в пустую бутылку или в карман. Мэттью порхал вокруг, выступая в роли хозяина, хотя и просил никому не говорить, что это он устроил вечеринку.

Фрэнки было не с кем поговорить. С большей частью присутствующих она была не знакома. Она стояла задумавшись. Ей не следовало злиться на то, что Мэттью не стоит рядом с ней – в конце концов, это вечеринка, и здесь множество людей, с которыми он, вероятно, не разговаривал с июня. Но посмотрев, как он смеется с Каллумом, Дином и Альфой, Фрэнки вспомнила, как Мэттью назвал ее красивой упаковкой, как он назвал ее маленькой, как он попросил ее не меняться – как будто обладал над ней какой-то властью. Какой-то части ее хотелось подойти к нему и закричать: «Я могу чувствовать себя страшной, если захочу! И, если захочу, могу говорить всем, что я не уверена в себе! Или быть красивой и притворяться, что считаю себя страшной из ложной скромности – это я тоже могу, если захочу. Потому что ты, Ливингстон, не имеешь права командовать мной и решать, какой девушкой мне быть».

Но по большей части она просто радовалась тому, что он обнял ее и назвал красивой.

Фрэнки села, но трава оказалась холодной и сырой, так что она снова встала.

Она заметила Портера, своего бывшего, одного из немногих присутствовавших здесь второкурсников, – рядом с Каллумом.

Ей не хотелось с ним встречаться, так что она пошла в другую сторону и нашла Стеллу.

– Ты была права, – сказала Фрэнки, дотронувшись до ее плеча. – Я получила приглашение.

Стелла обернулась.

– Я тебя об этом спрашивала?

Как она могла забыть? Она не могла не знать, что Фрэнки нравится Мэттью, потому что спросила именно ее, а не кого-то из более популярных второкурсников.

Фрэнки пыталась найти в Стелле что-то хорошее – подвиг, на который раньше ее вряд ли бы что-то подвигло. Новости от Мэттью позволяли думать, что скоро они со Стеллой окажутся девушками двух друзей со старшего курса, так что имело смысл познакомиться получше. Но снисходительное отношение Стеллы не могло не раздражать.

Фрэнки начала понимать, что избирательная память Дина, Стеллы и иже с ними не имели никакого отношения ни к глупости, ни к проблемам с памятью. Это была демонстрация власти – неважно, сознаваемая или нет, – направленная на то, чтобы выбить почву из-под ног у того, кто казался опасным. Может быть, Стелла чувствовала себя в опасности, видя, что Фрэнки умнее нее. Может быть, хотела оставаться единственной второкурсницей с

бойфрендом из компании Мэттью. А может, она просто не доверяла женщинам и девушкам, непохожим на нее. В любом случае она почувствовала угрозу со стороны Фрэнки, так что сделала вид, что забыла о своем вопросе, точно так же, как это сделал Дин.

– На истории, – напонила Фрэнки.

– История такая скучная. – Стелла состроила недовольную гримаску. – Я ее не выношу. Григорян начинает болтать, я ухожу в себя и жду, пока все закончится. Ты бы видела мою тетрадку. Там самые запутанные рисунки за всю историю Алабастер.

– Да не так уж все плохо.

– Ну, по сравнению с геометрией, – ответила Стелла.

– Тебе не понравилась та лекция про Наполеона? Со слайдами?

– Эм, нет.

– О его комплексах из-за маленького роста, растущей лысине и выступающем брюшке? Тебе не понравилась картина, которую мы сегодня видели? И вся эта история о том, что он оставался Маленьким капралом, который помнил имена всех своих солдат?

Подошла подруга Стеллы, Клаудия – высокая рыжеволосая девушка без единой веснушки. Клаудия играла в футбол. Любила добавлять в свою речь длинные слова, значение которых было ей не совсем знакомо.

– Привет-привет, – сказала она Стелле, кивнув Фрэнки. – Погляди-ка, – она подняла конверт с пригласительной карточкой. – Что это за собака? – И Клаудия показала на восковую печать.

– Не знаю, – ответил Стелла. – Может быть, бигль?

– Бигль – это Снупи⁹, – покачала головой Клаудия.

– Но он похож на Снупи.

– Не-а, у Снупи не такой эпикантус.

Стелла рассмеялась.

– Снупи крут! Он самая прикольная собака на свете.

– Это бассет-хаунд, – сказала Фрэнки.

– Снупи не бассет-хаунд, – возразила Клаудия. – Он – бигль, я же уже сказала.

– Да, но...

– О, а вот и Дин, – сообщила Стелла. – Мы встречаемся, ты в курсе?

Фрэнки кивнула.

– Да, слухи ходят. В любом случае надо напомнить ему, что завтра он везет меня в кино. Пошли, Клаудия.

Они ушли.

Фрэнки проводила их взглядом и поняла, что девушкам было с ней настолько скучно, что Стелла нашла предлог, чтобы уйти. С другой стороны, Фрэнки они тоже чуть не усыпили.

На вечеринке было тоскливо. Ее участники просто стояли на холоде.

* * *

Начиная с часу ночи, все начали перемещаться в сторону леса и небольшими группами, чтобы не шуметь, возвращаться в общежития. Мэттью проводил Фрэнки до дома. Всю дорогу среди темных деревьев он держал ее за руку и заговорщицким шепотом рассказывал, что хочет стать редактором газеты, и о том, как прошлым летом они с Дином и Альфой поймали грузовик, когда «вольво» сломался, и несколько часов ели пироги на стоянке грузовиков, прежде чем вызвать эвакуатор.

⁹ *Снупи* – вымышленный пес породы бигль, популярный персонаж серии комиксов, созданный художником Чарльзом М. Шульцом в 1950 г.

Он проводил ее до леса за общежитием.

– Можно тебя поцеловать? – шепнул он, когда она уже собиралась звонить Триш.

Зачем он спрашивает?

Как ему могло прийти в голову, что она откажется?

– Ни в коем случае, – сказала она и притянула его к себе.

– Ты жестокая, – прошептал он ей в ухо.

– Ладно, я передумала, – отозвалась она.

Губы у него были холодные, и Фрэнки тоже дрожала от холода, несмотря на его обаяние. Мэттью оторвался от нее и со смехом обдал ее шею горячим дыханием.

Потом он снова ее поцеловал.

Она позвонила Триш только через полчаса.

* * *

Большая часть девушек, обнаружив себя участницами некоторых светских мероприятий – особенно тех, что подразумевают употребление пива или других веществ, пагубно влияющих на клетки мозга, а также связаны с необходимостью выносить холод под открытым небом или духоту грязной комнаты в общежитии, а в более интеллектуальных кругах еще просмотр занудных русских фильмов, – могут отреагировать тремя способами.

Некоторые, как Триш, попробуют найти в этом смысл, решат, что его нет и не было, и предпочтут предаться типично женским занятиям, таким как выпечка крамблов, предоставив своим парням «тусоваться с ребятами».

Другие, как Стелла, будут все время скучать, но продолжат ходить на такие вечеринки, потому что они девушки этих парней или хотят быть их девушками, но при этом не желают казаться мегерами или занудами. Если парни играют в видеоигры (дома) или взрывают петарды просто для того, чтобы пошуметь (на улице), девушки будут просто тихо болтать между собой и делать вид, что им интересно то, что считают интересным мальчишки.

Третья группа очертя голову во все это окунется. Таким девушкам не нравится позиция аутсайдеров, в которой они оказываются, и они полны решимости сделать все, лишь бы не оставаться в стороне. Они увлеченно – пусть и не до конца искренне – участвуют во всем, что делают парни. Пьют пиво, играют в видеоигры, поджигают петарды. Не засыпают во время просмотра русского артхауса. Эти девушки даже сами покупают пиво, выигрывают в компьютерные игры и появляются на М-80¹⁰ как раз в тот момент, когда петарды начинают надоедать. Если в их социальном кругу это требуется, они читают статьи об Андрее Тарковском.

¹⁰ М-80 – боевая машина пехоты, созданная в Югославии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.